

**ПРАВИЛЬНЫЙ
МУЖ ДЛЯ
МАГА**

**ЕКАТЕРИНА
БАКУЛИНА**

Екатерина Бакулина

Правильный муж для мага

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69282976

SelfPub; 2023

Аннотация

"Муж боевого мага" и "Муж штатного некромантна" – две короткие истории цикла под одной обложкой. 1. Своего я подцепила на болоте. Или это он меня подцепил? Ну, как подцепил? Он мне пирожки принес и я не смогла устоять. Что общего может быть у опытного боевого мага и сына трактирщика, главный талант которого – печь пирожки? Ничего общего, кажется. Не знаю, как это вышло. Знаю только, что встреча с ним перевернула всю мою жизнь. 2. Своего я встретила в морге. Конечно, где же еще, я больше никуда не хожу. Он на опознание пришел... но так вышло, что опознали его... И как-то так завертелось. Он талантливый музыкант, первая скрипка, почти знаменитость. Кроме музыки в его жизни ничего нет. Я – штатный некромант полицейского участка. Так себе некромант, честно сказать, средней руки. Но и в моей жизни нет ничего кроме магии. Я давно забила на личную жизнь. Но вот... судьба распорядилась иначе.

Содержание

Муж боевого мага	4
1	5
2	12
3	19
4	27
5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Екатерина Бакулина

Правильный муж для мага

Муж боевого мага

Своего я подцепила на болоте. Или это он меня подцепил? Ну, как подцепил? Он мне пирожки принес и я не смогла устоять.

Что общего может быть у опытного боевого мага и сына трактирщика, главный талант которого – печь пирожки? Ничего общего, кажется. Не знаю, как это вышло. Знаю только, что встреча с ним перевернула всю мою жизнь.

Своего я подцепила на болоте.

Или это он меня подцепил?

Ну, не то, чтобы подцепил... как бы сказать? Он мне пирожки принес.

Вот придурок.

На нас как раз болотники поперли второй волной, а тут он.

Когда Патрик увидел, что какая-то неведомая хрень ломится через наш щит, он аж дышать перестал, замер. Потому что если прорвет защиту, то все, хана. Болотники нас сожрут, щит и так от напряжения уже потрескивает, Патрик его держит из последних сил. А от всех разом нам не отбиться. Я-то больше огневик, а Патрик по щитам мастер.

А тут через наш щит ломится ЭТО... Хайме его звали. Зовут. Хайме Кормак, младший сын трактирщика. Младший-то младший, а лось такой, что прямо дрожь берет...

В тине весь, черной жиже, лица не видать. Он ж в трясину провалился, пока к нам шел, тут болота кругом. Придурок. Котомка только чистая осталась, он ее над головой держал, чтоб не замочить. Сам чуть не потонул, но пирожки вон спас. Герой! Ох. Кто ж знал тогда, что он сюда полезет?

– Бей его! Бей! Мочи скорее! – заорал Патрик, показывая пальцем. – Контур прорвет сейчас!

Еще бы не прорвет! Щит на нечисть ставлен, а этот живой человек... хоть и мозгов, как мне тогда казалось, ему не додали конкретно. Кто ж мог додуматься за боевыми магами в лес пойти?

– Бей! Бей скорее!

Ну, я и шарахнула.

Только в последний момент рука дрогнула, огненный заряд чуть в сторону ушел, только краем задело. Сомнение у меня промелькнуло.

Да и у этого еще реакция хорошая, он сам в сторону дернулся. А то б ведь сожгла на месте.

Он прыгнул, и щит его пропустил.

И Патрик снова заорал со страху.

А этот – здоровый, черный весь, какой-то бесформенный от налипшей тины, – заорал тоже. Кто ж не заорет, когда в тебя огнем швыряют? Только сначала бессвязное что-то, и только потом по-человечьи.

– Не надо! Не надо! Не бейте больше! Это я! Я вам пирожков принес!

Патрик охнул и как-то даже пригнулся от неожиданности. Уставился на него.

А я приготовилась шарахнуть снова. Кто ж его знал...

– Я Хайме! Хайме, помните? Из трактира!

Патрик выругался... затейливо так. На меня посмотрел.

А что я? У меня тут болотники наступают по всем фронтам, мне вот так, как он, охреневать некогда. Мне сражаться

надо. Я только махнула рукой – потом разберусь, если живы останемся.

– Щит держи крепче! – буркнула только.

Патрик икнул и про дело вспомнил.

И этот Хайме притих. Пока болотники лезли, не закончились, он тихо сидел, прижавшись к коряге спиной, обнимая свою котомку. Только поглядывал на все настороженно.

До сих пор не понимаю, как он к нам дошел. Там же этой нечисти на болотах... как грязи. Бегаёт он, что ли, так быстро? Или везет несказанно? Просто трындец как несказанно везет.

Но кто ж теперь разберет.

И только когда болотники закончились, когда последнего испепелила, я обернулась к нему.

Только Патрик успел первый обернуться.

– Смотри-ка, вроде человек! – сказал Патрик, разглядывая Хайме с безопасного расстояния, вытянув шею. – А я уж подумал, может, морок какой? Выползень. На болотах случается. Но нет, смотри Мира, у него и аура и энергетический фон как у нормального.

А он ненормальный. Однозначно.

– Ты палочкой его потыкай, – предложила Патрику.

Ну, Патрик и взял палочку. Просто малость не в себе после такого.

– Пат!

Он вздрогнул, на меня посмотрел. Бросил. Выругался

снова.

А этот... Хайме... я тоже присмотрелась, прищурилась. Аура у него нормальная, а с энергетическими полями я как-то не очень. Патрику поверю.

– Я тут это... – Хайме решил голос подать, вышло у него хрипловато и сдавленно. – Леди Мирцелла, я вам тут пирожки принес. Подумал... – и кашлянул. Правильно, ни хрена он не думал, когда сюда понесло. – Подумал, что вы же голодные тут. Еще затемно ушли, и целый день на ногах... Вам ведь силы подкрепить надо.

Никаких сил с ним не хватит.

Он попытался встать, пошатываясь. Повело его. Охнул, за корягу ухватился. Думаю, вот только тут, запоздало, нервы у парня сдавать и начали, когда всю картину осознал. Но встать – встал. Котомку протянул. Руки только дрожали.

Мы с Патриком переглянулись.

– Возьми? – предложила я.

– А че я-то? – удивился Патрик. – Он тебе принес.

– А ты разве пирожки не хочешь? – в ответ удивилась я.

Хайме попытался было шагнуть к нам, но мы с Патриком разом попятились, не сговариваясь.

– Да что вы? – не понял Хайме, обиженно вышло.

Да ничего как-то... Но кто же знает? Я в своей жизни чего только не повидала. Но такое – впервые.

– А может, все же шархнешь его? – осторожно спросил Патрик. – Для верности. А если чего, потом в деревне ска-

жем, что болотники сожрали.

— Эй, да вы что... — Хайме только сейчас понял, попытался было пятерней лицо оттереть, но не вышло, засохло уже, плохо поддавалось. — Вы что, испугались меня, что ли? Это ж я...

Испугались.

Вот тут я вздохнула тяжело, решительно подошла и взяла у него пирожки. Ибо негоже боевым магам всяких безмозглых выползней пугаться.

В котомку заглянула.

Действительно пирожки. Плотненько так лежат. Сверху в промасленную тряпочку завернуты, а под ней в чистое полотенчико. Тепленькие.

А пахнут-то так, что голова закружилась.

Патрик мне через плечо заглянул.

— Пирожки? — уточнил он.

— Пирожки, — согласилась я и от одного откусила. Ох, ты ж... — А знаешь, Пат, я, пожалуй, с тобой делиться не буду. Это мои пирожки. Я их сама добыла.

Вкусные, мать их! Сил нет. С капустой.

И этот, Хайме, довольно заулыбался, глаза под черной коркой грязищи засияли.

* * *

Сначала, признаться, я думала, парень какой-то больной,

умственно отсталый. Ну как же можно так было?

Но ведь нет же. Мы шли, и на обратном пути он разговаривал довольно здраво. Адекватно разговаривал. Потом кое-как умылся в ручейке... Ма-ать его... Я, все же, по нему слегка задела тем ударом. Грязища коркой запеклась и от огня защитила, но заметно все равно. Рожа вся красная, может и волдыри пойдут...

– Болит? – спросила я.

Он только головой мотнул.

Конечно, так ему и поверила.

– А ну сядь, – велела я. – У меня мазь хорошая есть от ожогов. Только сначала нормально смыть все надо.

Взяла полотенце, намочила в ручейке.

Больно, конечно. Когда я до кожи дотрагивалась, хоть и старалась очень осторожно, но он вздрагивал, губы дергались. А как мазать начала... да, я знаю – мазь щиплет, зато и помогает потом хорошо... так он даже зажмурился, губу закусил. Но молчал, надо отдать должное. Только шипел тихо-тихо. Помню, как-то Патрика мазала, так он орал, отбивался и чуть меня не покусал. А этот ничего.

– Как же тебя угораздило? – вздохнула я, домазывая последнее. – Это ж как должно было такое в голову прийти?

Он вздохнул тяжело.

– Прости, глупо вышло.

– Не то слово! – подтвердила я.

И он еще тяжелее вздохнул.

– Понравилась ты мне, – сказал хрипло, немного виновато. – Решил приятное сделать.

Вот молодец, ничего не сказать! Охренеть как приятно посреди боя выползней наблюдать!

Патрик там сзади начал мерзко подхихикивать.

Я...

Понравилась... Вот дурак же.

Ох, а брови парню совсем спалило. И ресницы тоже... так себе. Хорошо хоть глаза целы. Кожа облезать будет.

А так-то ведь симпатичный, – внезапно подумала я. Симпатичный такой парень. Здоровый, крепкий... глаза голубые... мозги б ему...

– Потанцуем? – предложил он.

Последний вечер в деревне, праздновали окончание нашей работы и что всех болотников по местным болотам подчистили. Заплатили нам хорошо... вообще-то нам Управление за работу платит, но и местные часто еще подкидывают, в благодарность, дело ж такое... Мы им дополнительно, по мелочи, бывает, помогаем всяким.

А тут еще небольшую вечеринку устроили – выпивка и танцы.

И этот вот – подошел. Сын трактирщика, мастер пирожков и бараньих ребрышек в меду. Вся рожа в красных пятнах и струпьях от моего огня. Красавец! Загляденье просто.

– Я не танцую, – сказала ему, из кружки эля отхлебывая.

– Почему? – спросил он.

– Не люблю.

Он моргнул, губы поджал. Не обиженно, как-то задумчиво у него вышло.

Засопел, так эти раздумья ему тяжело давались.

– Уезжаешь? – сказал он.

– Уезжаю, – согласилась я.

– А если у нас снова болотники заведутся, приедешь еще их бить?

– Не заведутся, – сказала я. – Мы их подчистили основательно. Нам репутация дорога. Но если заведутся и нас направят, то приедем. Только если заведутся снова, направят уже не нас.

– А чтоб вас прислали?

– В частном порядке тогда, за свои деньги, – пожалала плечами.

Он насупил, шею сзади потер. Лапищи у него здоровые, такими не тесто месить, а головы сворачивать можно. Двумя пальцами буквально.

– Мне тут столько не заработать, – сказал он, – чтобы магов приглашать. Это в столицу ехать надо.

Я фыркнула, пожалала плечами снова, эль потягивая.

– А ты собирался?

– В столицу? Выходит, придется, – сказал серьезно.

Забавный он.

– Приглашать, – сказала я. – Собирался нас снова приглашать сюда?

– Подумывал, – сказал он. – Только, пожалуй, бессмысленно это будет. Даже если найти деньги, если нанять вас с Патриком. Ну, приедете вы, побьете нечисть, и уедете снова. И все.

– А чего тебе надо?

– Хочу, чтобы ты со мной осталась, – сказал, ни капли не сомневаясь.

Вот, мать твою! Я засмеялась, у меня аж эль из носа брыз-

нул.

– Да ты сдурел, парень? Зачем я тебе?

– Жениться на тебе хочу.

Сказал и стоит, смотрит. Руки ко мне не тянет, целоваться не лезет. Серьезно он что ли? Так ко мне еще не подкатывали, хотя повидала я немало.

– Зачем? – сказала я.

– Нравишься ты мне.

Я только фыркнула – тоже мне причина!

– А ты мне зачем?

– Буду тебе завтраки готовить, кофе варить. Я умею, ты знаешь. Вечерами, когда возвращаться будешь, стану с тобой сидеть на кухне и слушать, как прошел твой день.

– Хм, – сказала я с интересом. – Будешь мне верной женой? Дома на хозяйстве?

– Нет, – сказал он спокойно, словно я не пыталась его поддеть. – Не дома. Если в городе жить, то я пекарню открою. У меня родни много, займу на первое время, как дело вести – разберусь. У тебя свое дело, у меня свое. Пекарня, конечно, много времени отнимать будет, но ничего. Зато вечера и ночи все наши с тобой.

Я смотрела на него и... вроде не пьяный ведь, и говорит так серьезно. Вот что у людей в головах?

– Ночи? – сказала я.

– Да, – сказал он, и вот тут все же смутился, уши покраснели.

– В постель ко мне хочешь?

– А отчего бы не попробовать? – сказал он серьезно, с вызовом, аж челюсть вперед выдвинул. – Может, тебе понравится?

Вот гений-соблазнитель, мать его!

Я заржала. Так смешно стало, что прямо сил нет. Так, что даже кружку с элем недопитым ему сунула, чтобы подержал, а то разолью еще. А он ничего, стоял, смотрел как я ржу, краснел только еще больше.

И самое смешное в этом, что прямо зацепил, заинтриговал, уже думаю – отчего бы не попробовать? Что я теряю?

– А если не понравится? – спросила я.

– А ты попробуй, – упрямо предложил он.

– И чем же ты меня удивишь?

Тут он засопел сердито.

– Знаешь... – губы поджал, даже смутился. – Я конечно, как там у вас в столицах да в университетах, всяких чудес, не умею. Чем удивить? Я просто честно сильно тебя люблю.

Охренеть, как честно. И на меня смотрит. Глазки голубые... вот нравится мне, когда голубые глазки у мужика.

И вот ж, мать твою...

– Я со всякими идиотами не сплю.

Буркнула, и почти сама пожалела об этом, глядя, как у него уши огнем заливаются, как он зубы сжимает, аж до хруста, желваки на скулах.

Но не обижается и не уходит.

– Ты спишь только с теми, у кого университетский диплом есть?

Вот прямо так.

– А не обнаглел ты, парень?

Он головой покачал.

– Уточняю просто. Прикидываю, куда бы поступить смог.

И серьезно так. Я вот даже почти не сомневаюсь, что задастся целью, и куда-нибудь поступит. Не магом, конечно. Но на что-нибудь торгово-экономическое. Если не умом, так железной хваткой возьмет.

Только нахрена ж ему?

И смотрит на меня так внимательно.

– И чего по твоим прикидкам выходит? – спросила я.

– Данфордский технический колледж для начала. У меня дядя его закончил, знаю, что нужно для поступления. Дорожное строительство.

Вот те на!

– Дорожное? Потому что дядя?

– Нет, дядя дирижабли проектирует, – сказал он, прямо мне в глаза глядя. – Но дирижабли я не потяну, не мое. А дороги – это хорошее и правильное дело.

– Зачем тебе?

– Почему нет? – он пожал плечами. – Стимул чего-то достичь в жизни.

Серьезно. Мне икнулось даже. Я у него свою кружку эля отобрала, допила все одним махом, рядом поставила.

– Ты будешь учиться, а я тебя ждать?

Вот сейчас если ляпнет, что мне все равно замуж не выйти – убью на месте. Не пожалею. Потому что нечего болтать... даже если правда. Боевые маги не выходят замуж. Какая нам может быть семья?

– Маги долго живут, – сказал он. – Ты разве торопишься? Твою ж мать.

И я понимаю, что у меня сердце начинает биться чаще. Вот что в нем? Ведь придурок же, ну...

– А поцелуй меня, – сказала вдруг, сама себе удивляясь. – Проверим, стоит ли ждать.

И он так разом, совсем ничего ждать не собираясь, берет и обнимает меня, прижимая к себе. Без всяких сомнений. Словно имеет на это полное право. А пахнет от него огнем и жареной картошкой, так просто и по-домашнему. И обнимает так нежно и горячо...

Целует в губы.

Вот тут у меня даже слегка ноги подгибаются. Вот и попала...

Он так близко, что я чувствую, как у него сердце колотится, сейчас выпрыгнет.

Целует долго, горячо и совсем отчаянно... и отпускает.

И я прям чувствую, как у меня тоже щеки прямо горят. И губы горят от его поцелуев. И внутри что-то шевелится так, сжимается, продолжения требует.

– Ну как, – хрипло говорит он, голос у него сел от волне-

ния, — подождешь, пока я на инженера выучусь?

И где-то в глазах и в уголках губ усмешка так и играет. Вот зараза же. Видит же, что мне понравилось.

И я головой качаю. Нет.

— Не буду ждать.

Он губы облизывает...

— А сейчас? — спрашивает, кадык напряженно дергается. — Я, правда, думал, сначала потанцевать, а потом уж... но...

Как же это у него выходит?

И вдох-выдох... я смотрю на него и понимаю, что несмотря на всю дурь это серьезно для него. Вот прям все серьезно.

А он берет, и руку мне протягивает.

Рука у него большая и крепкая. Теплая такая.

Ну что я, девочка что ли, в самом деле. Первый раз, что ли? Развлечься, размяться... Да у меня таких, как он...

— Ладно, один танец, — соглашаюсь я.

А там поглядим.

Я уж и думать про него забыла, полгода прошло.

Было и было, подумаешь, мало ли я встречала мужиков? А как иначе? Работа у нас такая нервная, хочется расслабиться иногда. Ласки хочется... да что... Переспали разок, и ладно.

Я и забыла.

А тут возвращалась домой после двух недель в Аверсовых пещерах, усталая и злая совсем, выжатая насухо. Нелегко там пришлось. Думала, вот сейчас доберусь... ванну бы горячую, и спать. Или даже сразу спать, а ванну потом, ничего, переживу ночьку грязной, как-нибудь. Сил нет.

А тут вдруг такой запах...

Пирожков.

Выпечки свежей.

Одуряющий.

Я лошадь остановила, замерла, головой покрутила.

Да, вон там впереди пекарня. И вроде раньше такой не было. Недавно открыли? И поначалу даже мысли не мелькнуло.

Взять что ли себе пару булочек для лучшего сна? Имею я право на пару булочек после работы?

Я и зашла. Лошадку привязала у входа, открыла дверь...

За прилавком мальчишка. Совсем пацан такой, лет двенадцати.

– Доброго вам вечера, миледи! – говорит. – Не хотите ли булочек с корицей? Или крендельков с орехами? Крендельки совсем горячие, только-только из печи достали. У нас самые лучшие в Ольжеге, попробуйте!

Я подошла. На запах. Пахло все это так, что я готова была идти за этими крендельками как за дудкой Гамельнского крысолова.

Пока смотрела, соображала и пускала слюни, – пацан не мешал, понимал, что наживку заглотить нужно. Пока смотрела, баба какая-то заглянула.

– Эй! – с порога заорала она. – Расстегаи мои готовы? Расстегаи-то? А-то гости скоро придут, мне на стол надо!

– Хайме! – заорал пацан. – Расстегаи для фрау Верены готовы? Она уже пришла!

– Иду! – басом отозвался тот.

И у меня аж ноги подогнулись. Все, что было – разом перед глазами пронеслось.

Так это серьезно все? На самом деле?

Или мне голову напекло и там совсем не тот Хайме, а какой-то другой? От усталости почудилось...

Тот.

Через минуту он в дверях появился. Здоровый как лось, с лукошком в руках, в лукошке, под белым полотенчиком, расстегаи, должно быть.

Синий передничек весь в муке. И в цветочек, мать его, передничек. Ромашки вышиты по краю, красивенько так. Я

смотрю и не могу поверить. Хочется глаза потерять.

А он, увидев меня, заулыбался. Только не ко мне, а к бабе этой сразу.

– Ваши расстегаи, фрау Верена! Хорошего вечера вам и вашим гостям! Передавайте мужу привет. Приходите утром, я закваску на бриошь поставил, как он любит, к завтраку поспеет как раз!

И улыбается! Во все зубы улыбается так, словно безумно рад эту бабу видеть, всю жизнь о встрече только и мечтал. Профессионально.

И та ему улыбается в ответ, хотя по ней отчетливо видно, что улыбаться не привыкла.

– Вот спасибо, мил человек! – и лукошко с расстегаями к себе прижимает. – Обязательно завтра загляну! Вкусные у тебя пирожки, давно таких не ела!

И только когда она за порог, Хайме ко мне повернулся.

Вот же зараза! Работа у него первым делом, клиенты, а я уж потом?

– Мирцелла! Ты с задания? Хочешь чаю с чабрецом? Или эля? У меня эль хороший есть.

Так просто, словно я каждый день тут хожу. Словно он меня ждал, как бабу эту...

– Ты что тут делаешь? – удивилась я.

– Как что? – удивился он. – Я же говорил, что если в город перебираться, то пекарню открыть придется. И вот.

Развел руками, показывая. Вот – пекарня.

– Ты сдурел? – У меня даже слов не было.

– А что? – не понял он. – Место хорошее, людям мои булочки нравятся. Если пойдет, то за пару лет, думаю, все что вложил – отобьется, долги отдам.

– За пару лет?!

– В нашем деле быстрых денег не бывает. Но опыт и репутация всегда работают на тебя... Пойдем, элем угощу, – он кивнул, приглашая.

Ну я и пошла, че? За элем. Надо же посмотреть.

На кухню меня привел. Тут ничего так, чистенько, аккуратно. Баночки разные по полкам. И булочками с корицей пахнет так, что слюнки текут.

– Садись, – предложил он.

– Мне домой пора, – сказала я. – Я две недели дома не была, устала очень. Помыться бы и поспать. Я... так...

Странно все это.

Чуть присела на край стола. Не рабочего, не там, где он пироги лепит, а чуть в стороне, где кастрюльки стоят.

Он мне эля налил из бочонка. Протянул.

– Знаешь, – сказал неожиданно серьезно, – я все представлял, как это будет. Вот ты зайдешь сюда и... Рано или поздно все равно бы зашла.

– И что? – сказала я.

Что-то непонятное шевельнулось внутри. Чуть напряженное и теплое вместе с тем.

Он пожал плечами.

– Пока не знаю.

– Зачем все это? – сказала я. – Потратить столько сил и денег...

Он ухмыльнулся.

– Посмотри на это иначе. Считай, встреча с тобой мне интересную идею подала. Так бы и сидел до конца дней в деревне, отцу помогал. А теперь в город переехал, свое дело открыл. Все к лучшему. Может, еще в гору пойдет. Пожелай мне удачи.

Во же ж... упрямый парень.

– Удачи, – сказала честно.

Он себе тоже эля налил. Подошел ближе.

Хороший эль, правда, не могу не признать. Темный, довольно крепкий, с горчинкой...

А Хайме стоит передо мной и на меня смотрит.

Так смотрит, что...

И я на него смотрю, разглядываю.

– А у тебя пятна от ожогов все сошли, ничего не осталось, – сказала я.

Он чуть улыбнулся, уголками губ.

– Да. Времени много уже прошло.

Смотрит. Стоит и эль свой не пьет, просто держит в руках кружку. Да так, что мне все больше беспокойно становится. Не то, чтобы я чего-то боялась... даже наоборот. Ну... давай, что ли? Ты же не эль пить меня позвал. Чего хотел-то?

– Как твоя работа? – спросил он, только не очень уверенно

у него вышло. Не то.

А ведь в прошлый раз, там, на сеновале, мне понравилось. Я бы не отказалась и повторить. И не нужно мне никаких дипломов, другое нужно.

Странно все это, конечно... Но отчего бы и нет?

Отхлебнула еще эля, для верности. Потом поставила кружку на стол. Шагнула к нему ближе.

– Хорошо у меня работа, – сказала, глядя ему в глаза снизу вверх, он здоровый. – В пещерах охотились. Патрику чуть ногу не оторвало, но он живучий парень...

Хайме стоял и смотрел. Серьезно так. Молча. Кивнул только.

– А ты? – сказала я тогда. – Давно пекарню открыл?

Он помотал головой.

А потом осторожно протянул руку, коснулся пальцами моих губ... сверху.

– У тебя немного пены тут... от эля... – А потом наклонился и поцеловал.

Вот! Так я и знала, что этим кончится. Ну и пусть. Обняла его.

А он вдруг подхватил меня... одной рукой. В другой у него кружка еще. Как только не расплескал? Подхватил и обратно на стол усадил. Кружку поставил, кастрюльки подвинул, чтобы сидеть удобнее было. Ко мне ближе прижался.

И у меня как-то сердце заколотилось.

– Я ждал тебя, – сказал тихо, осторожно, так же кончика-

ми пальцев, поглаживая мои волосы. Свежим хлебом от него пахло и огнем.

– А если бы я не пришла?

– Пришла бы, куда бы ты делась, – ухмыльнулся. – Тебе бы начали рассказывать, где продают самые вкусные булочки в городе, и ты бы заглянула.

– Самые вкусные? – не поверила я. – А ты не слишком самонадеян?

– Не слишком, – сказал он. – Иначе ничего не получится.

А сам обнял меня... так за попу, к себе ближе прижимая... Многообещающе.

– Я, вообще-то, как раз за булочками и зашла, – сказала, пытаюсь ему под рубашку залезть, очень вдруг захотелось его потрогать. Но в фартучке неудобно. Я фартучек на нем развязала, стянула через голову.

– Можешь любые выбирать, сколько захочешь, – сказал он. Ладони у него горячие, крепкие... когда он гладит меня – удивительно приятно. Прямо замурчать хочется. Это сильнее меня.

– Заплатишь мне булочками за секс? – спросила я, приподняв одну бровь, ухмыляясь.

– Это ты мне сексом за булочки, – сказал он.

– Хм... А есть разница?

– Конечно, – сказал он. – Ты покупаешь, я продаю. Впрочем, если хочешь наоборот, то я не против.

Ишь ты, какие тонкости! Значит – я покупаю?

– Заманчиво, – согласилась, на дверь поглядывая. – А если сейчас кто-нибудь войдет?

– Не войдет.

– А там щеколда, я вижу. Закрой.

Он фыркнул мне в ухо и там, за ухом поцеловал.

Щека у него слегка колючая, щекотно.

– Сейчас закрою.

И даже не хочется вдруг его отпускать. Но к двери – совсем недалеко.

А вернувшись, садится на корточки, принимается с меня сапоги снимать.

– Что ты делаешь?

– А как ты себя это представляла? – спрашивает он. – Чтобы с тебя штаны снять, нужно сначала сапоги, а то неудобно.

И в подтверждение, закончив с сапогами, стаскивает меня со стола, ставит на пол, принимается ремень на мне расстегивать.

Продуманный такой парень, даже смешно. И я не знаю, ржать мне или дурацким соблазнам его поддаваться.

– И сам раздевайся, – говорю я. – Рубашку снимай. Хочу тебя потрогать.

Он снова фыркает, но уговаривать себя не заставляет.

А у меня запоздало мелькает мысль, что толком не мылась три дня... но уже поздно думать. Все. Это уже не остановить.

Следующим вечером я заглянула к нему снова.

Хорошенько намывшись до блеска и приодевшись даже.

Просто чтобы удостовериться, что мне это не приснилось.

А то мало ли...

Пекарня была на месте и Хайме в том же фартучке с ромашками.

– Заходи, садись, – все так же довольно улыбнулся он. – Хочешь чего-нибудь? Торопишься или у тебя есть время?

Я так смотрю, работа у него тут кипит полным ходом, что-то шкварчит, жарится. Посуда немытая в раковине.

– А если тороплюсь, то как? – спросила с интересом.

Он закончил мешать и закрыл крышку на здоровенной сковороде, где тушилась капуста. Окинул меня оценивающим взглядом.

– Если торопишься, то по-быстрому.

Я и оглянуться не успела, как он оказался рядом, и р-раз... уже снова за попу меня обнимает, поглаживает.

– Что это ты делаешь? – поинтересовалась я.

– А разве ты не за этим пришла?

– А ты думаешь, меня кроме этого ничего не интересует? – пока даже не поняла, возмущаюсь или нет.

– Вообще в жизни или сейчас? – спросил он. – Вообще

в жизни, тебя, конечно, наверняка интересует разное... Какие-нибудь древние руны и тайные знания, поэзия, органная музыка, может быть... Но все это не здесь. Сейчас и здесь тебя интересует вот как раз это, могу хоть голову на отсечение дать.

Зараза такая самоуверенная.

– И не боишься голову потерять?

– Нет, – он вдруг широко ухмыляется. – Уже потерял, поздно спохватываться.

И целует, свои намерения обозначая.

А-аа, как он целуется! У меня аж ноги подгибаются. И подогнулись бы, если бы он меня не держал. Так горячо, с таким чувством, словно ничего важнее этого во всем мире нет. И обнимает с тихим протяжным стоном.

И – да! Именно это сейчас. Никаких вариантов.

– А давай представим, что я тороплюсь, – тихо, чуть хрипло предложила я, когда наконец смогла выдохнуть, голос слушаться отказывался. – А потом разберемся.

Между прочим, я в юбке сегодня. Вот как раз для таких случаев.

И Хайме на мне одним движением эту юбку взял и подхватил. Его ладони по ногам скользнули... и выше...

– Ох ты... – заключил он.

Да. Между прочим, я без белья. Юбка-то длинная, все равно не видно, так что никаких приличий не нарушаю, и меньше возни.

– С тем, что мне нужно прямо сейчас, ты угадал, – согласилась я, запуская пальцы в его волосы. – Пришла еще булочек с корицей прикупить.

Он меня тут быстренько подхватил на руки и к стенке прижал. Я и опомниться не успела. Охнула только, чувствуя его в себе. Ногами его обхватила. Руками за шею. А сердце колотится так, что сейчас разорвется.

Быстро. Безумно почти. Так, словно можно не успеть, словно еще чуть-чуть и... Но мне нравится, потому что с азартом таким и с таким чувством, как еще никто и ни разу. Удивительно, но мне никогда ни с кем не было так хорошо, как с ним сейчас. Этот его огонь – он без всякой магии зажигает. И хочется кричать... И стол рядом трясется, прыгают на нем кастрюльки, мне все кажется – сейчас упадут. И стоны мои, наверно, слышно за дверью, в магазинчике... и ладно бы мальчишка тот, а то ведь покупатели зайдут, услышат. Завесу бы поставить... но сейчас вообще не до того...

Да и пошло оно все...

На финальном аккорде с соседней полки падает банка и вдребезги!

Я бы вскрикнула, но я уж и без того...

Обняла его крепче, вцепилась. Заорала все же, только не так. Надеюсь, посетители это оценят.

И повисла на нем без сил.

У него рубашка на спине чуть влажная. И немного волосы на висках. Он тяжело дышит, прижавшись щекой к моей

шее. Горячо. Так хорошо. Надо еще немного времени, чтобы прийти в себя.

– Там что-то разбилось, – шепнула совсем тихо.

– Ага, – согласился он, но не отпустил, только щекой еще потерся.

Я засмеялась – щекотно. А он меня в шею поцеловал.

И чуть отстранился, не отпуская. Посмотрел на меня.

Довольный такой, сытый, словно кот съевший сметану.

– У меня тут работа еще, – сказал так просто. – Хочешь, посиди тут, подожди, я закончу и... там что-нибудь придумаем. Можно погулять пойти, у вас тут, говорят, набережная красивая, фонтаны...

Работа у него стоит, вы только поглядите! Фонтаны ему!

– А ты что, не видел?

Он мотнул головой.

– Да все как-то времени не было.

– А сейчас есть?

– Найду, – он заулыбался шире. – Хочешь эля? Могу еще жареной картошки предложить. Расскажешь мне чего-нибудь... о себе, о работе. Как вышло, что ты боевым магом стала.

– Зачем это тебе?

И вот чуть кольнуло, задело. Сколько раз мне говорили, что не женская это работа.

– Просто поговорить, – он пожал плечами. – Хочешь, я что-нибудь расскажу? Но про тебя я бы послушал, интерес-

но.

И нежно так волосы мои погладил.

— Думаешь, мне не стоило в маги идти? — спросила я.

— Думаю, стоило, — сказал он. — Каждый должен заниматься тем, что умеет и любит. Я вот пирожки пеку.

Глазками своими голубыми честными на меня смотрит. И я прям не могу оторваться от этих глаз.

Потом еще часа два я наблюдала, как он тушит капусту, жарит мясо, режет лук на начинку для пирогов, и много чего еще. Быстро, умело, успевая там помешать и там перевернуть в нужный момент. Сколько же всего нужно, чтобы завтра с утра сразу пироги налепить и поставить в печь!

Наблюдала за ним и рассказывала о себе. Как-то само вышло, легко. Не хотела говорить, а вышло.

Детство у меня было сложное. У мамки нас семеро, отец вечно пил, она с нами... справлялась кое-как. Орала с утра до ночи, мы всегда во всем были виноваты. Я убегала из дома, могла сутками не появляться, шлялась непонятно где. Тогда я злилась на мать, почти ненавидела, теперь понимаю, что это она от безысходности. Она умерла, когда я еще учебу не закончила, так что... Помочь уже нечем.

Денег у нас не было никогда. Никаких булочек с корицей. Хлеба и то не хватало, но... Не важно, давно прошло.

Потом у меня обнаружился дар, и я ухватила за это, как за единственный шанс из дерьма вылезти. Боевой маг, так

боевой, куда мне предложили, туда я и пошла. Не раздумывая. С радостью. Зато свобода... относительная, конечно. Но магам всегда позволено больше. И сейчас я могу себе позволить то, о чем в детстве и мечтать не могла. Жалеть точно не о чем. Теперь я леди Мирцелла, у меня свой дом, лошадь и портной, который шьет все как мне нравится по моим меркам. Нет, портной, конечно, не мой личный, но шьет хорошо.

Я всем довольна и, в общем-то, планировала всю жизнь прожить так.

Хайме слушал, кивал, делая вид, что во всем со мной согласен. Может и правда согласен, кто его знает.

В его детстве все совсем не так.

Тоже большая семья, но у отца трактир, работы всегда по горло. И они вечно, малышня, с раннего детства, при деле. Не то, что отдохнуть, иногда зевнуть было некогда. Зато научились всему, и готовить, и дела вести. На самом деле хорошо было. Семейные праздники... Отец очень строгий всегда, ничего лишнего не позволял. Наказывал, не без этого, но всегда справедливо. Потому что дури у Хайме... ну, это я и сама вижу. Зато, случись что, всегда защитить мог... в трактире-то разный народ бывает. А еще на рыбалку с отцом хорошо ходить было. Иногда, случалось, выдавались тихие спокойные деньки, когда посетителей почти не было, и тогда шли на рыбалку. Червей накопать на заднем дворе, сесть у речки, сидеть, молчать... какая-то особая магия в этом была.

Рассказывая, Хайме улыбался почти блаженно.

Хотелось слушать...

Завидно, пожалуй.

А он, между тем, закончил с капустой, перемыл всю посуду, помыл столы, полки, пол подмел и вымыл тоже. До блеска. Удивительно, сколько надо делать всего! В какой-то момент я даже дернулась, предложив ему помощь... хотя, честно, очень надеялась, что откажется. Как-то вот не люблю я полы мыть... да и не мою никогда, ко мне горничная приходит. «Нет, – сказал он. – Это моя работа. Тебе бы тоже не понравилось, если бы я полез помогать тебе болотников бить. Вот и ты сиди». И как-то очень естественно это... Разумно. Я за своим инвентарем тоже сама слежу, и если б он в мою работу полез, то я бы точно прибила на месте.

И все же...

И пока сидела, он меня картошкой с жареными колбасками накормил.

Сам еще тесто назавтра поставил подходить – три огромные кастрюли, все по-разному. Мимоходом только одну колбаску сожрал сам.

Темнеть начинало.

Мальчишка, который за прилавком стоял, домой пошел.

Погулять?

– А ты не устал? – спросила я. – Завтра, наверно, вставать рано.

– Рано, – согласился он. – Но немного прогуляться, думаю, неплохая идея.

Ладно, ему виднее. Сам хочет, так что сам и виноват, не маленький уже, чтобы я его отговаривала.

И мне хотелось.

Хайме переоделся, фартучек свой снял, рубашку надел другую. Красавец такой! Конечно, сразу видно, что простой парень, не благородных кровей, университетов не заканчивал. Но я и сама из простых... Зато на меня смотрит так, что сердце замирает.

И мы пошли.

До набережной и вдоль речки.

Целовались у фонтана, обнявшись. Говорили о разном.

Смотрели на звезды.

Просто сидели, я – положив голову ему на плечо, он – нежно поглаживая мои пальцы. Я слушала его дыхание, плеск реки, звуки ночного города... удивительно хорошо. Так просто и хорошо.

Потом он проводил меня домой.

И я даже предложила зайти... что уж, после всего, что у нас было.

– Мне, наверно, пора, – чуть смущенно сказал Хайме. – Если захочешь, приходи завтра.

– Пойдешь спать? – я усмехнулась.

Он головой покачал.

– Мне уже скоро вставать пора. Нужно замешивать тесто для утренних булочек и круассанов, чтобы все могли позав-

тракать с удовольствием, и день прошел хорошо.

– Ты смеешься? – я даже не сразу поверила. – Ночь на дворе.

– Иначе не успеть.

– Каждый день? Каждую ночь так?

– Каждую ночь, – согласился он. – Но чтобы поспать у меня обычно днем есть еще немного времени.

В тот момент я подумала, что – нет, у нас точно не выйдет ничего. Мы слишком разные. По-разному живем. Совсем. Он, конечно, хороший парень, но в нашей жизни совсем нет места и нет времени друг для друга. Только красть время у сна... но долго так не протянешь. Не стоит, это к хорошему не приведет.

– Я завтра, наверно, не смогу прийти, – сказала, на него глядя. – У меня важна встреча по работе.

Соврала.

– Хорошо, – легко согласился он. – Приходи, как сможешь.

Не знаю...

Может быть, стоит прекратить все это, пока не зашло слишком далеко.

Это было бы правильно. Зачем мучить себя и парня? Он себе нормальную девушку найдет... вон, какой хороший...

Хороший парень. Повезет той, кому достанется.

– У тебя задница вся в муке, – насмешливо фыркнул Патрик.

– Неправда! – фыркнула я в ответ, принялась отряхивать.

– Правда, – не согласился Патрик, на стуле покачиваясь. –

Опять к своему выползнию бегала?

– И вовсе он не выползень, – буркнула я.

– Он Хайме, повелитель пирожков! – Патрик заржал.

– Пат!

– А? – удивился он. – Пирожки у него вкусные, надо признать. А чего ты не переедешь к нему?

– Зачем?

– Чтобы пирожки всегда под рукой!

Он заржал снова, а мне так и захотелось в него чем-нибудь зашвырнуть. Но огнем, конечно, не стоит, тем более в помещении, тем более в Управлении. Поэтому я просто стул под ним, когда он качнулся в очередной раз, импульсом подтолкнула. В-шух! И Патрик грохнулся. Вверх ногами! Нечего качаться, между прочим!

– Твою ж! Мира!

– А? – не поняла я, совершенно честно на него глядя.

Между прочим, хороший боевой маг всегда должен быть готов к удару!

А Патрик он взял и... И нет! Я вот была готова, когда он щитом мне по ногам двинул. Я отпрыгнула, отбила. Стол только рядом закачался, ваза на нем затряслась и... хрясь!

Влетит нам?

Мы тут, вообще-то сидим в приемной, нового задания ждем. Нам велели зайти, сейчас инструктировать будут, рассказывать, какую пакость в этот раз подсунут.

– Это ты вазу разбила! – заметил Патрик, вставая.

Я только плечами флегматично пожала. Влетит. Ну и хрен бы с ним. А вазу спишут на производственные расходы.

– Так о чем я? – Патрик картинно щеку почесал, задумчиво. – А, ну так переехала б к нему, говорю. Чего ты парня морочишь? Он ж серьезно. Ночами не спит. Всем же спокойнее будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.